

А.А. КУЗЬМИНА, О.Н. ЯНИЦКИЙ

МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ СЕТИ РОССИЙСКИХ ЗЕЛЕННЫХ

Введение

Межличностные сети как тип коммуникации преобладали в российском экологическом движении (ЭД) со времени его возникновения в начале 1960-х годов. Личные инициативы, опирающиеся на межличностные сети, были и остаются несущей конструкцией всего репертуара публичных действий российских зеленых. Сегодня межличностные сети выполняют по меньшей мере две жизненно важные функции. Они представляют собой главный канал для оказания влияния на экополитические процессы. Вместе с тем, эти сети исключительно важны для воспроизводства и поддержания жизнеспособности самого ЭД и неправительственных экологических организаций (ЭНПО). Именно межличностные и семейные связи лежат в основе экокоммун, созданных в нескольких регионах России. Анализ этих сетей помогает понять процессы нынешних трансформаций российского ЭД в целом.

Статья написана на материалах семи обследований, проведенных в 1997-1998 годах. Предметом изучения были типы межличностных сетей, связанные с масштабом социально-экологического конфликта (федеральный, межрегиональный, внутрорегиональный), степенью его опасности для населения и природы, а также позициями участников конфликта. Сбор данных осуществлялся с помощью глубинных полуструктурированных интервью. Использовались также материалы центральной и экологической печати, документы официальной переписки, а также петиции, заявления, пресс-релизы и другие материалы, подготовленные в ходе и после кампаний протеста. Были изучены 100 неформальных экологических сообществ, а также различные личные документы, в том числе переписка активистов экологического движения.

Сетевой социальный актор и первичная экоструктура

Для анализа межличностных сетей необходимы некоторые теоретические инструменты. Таковыми являются концепции “первичной экоструктуры” (далее, экоструктура) и “индивидуального ресурсного поля”, предложенные в конце 1980-х годов одним из авторов настоящей статьи [1, 2], а также введенное нами понятие “сетевой социальный актор”.

Авторы работают в Институте социологии РАН.

Кузьмина Анна Андреевна – старший лаборант. Яницкий Олег Николаевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник. Адрес: 117259, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. Факс: (095) 719-07-40; Электронная почта: yanitsky@glas.apc.org.

Статья является результатом исследований по проекту “Региональная экологическая политика в России” (грант N 7SUPJ048255 Национального научного фонда Швейцарии).

Требования, предъявляемые современным, быстро изменяющимся обществом к социальному актору, делают необходимым наличие некоторого "устройства", повышающего его ресурсный потенциал и возможности социального действия. Экоструктура как раз и является таким мультипликатором воспроизводственных и деятельностных потенциалов социального актора. Подобное умножение названных потенциалов осуществляется посредством концентрации универсального и глобального в местном и индивидуальном, "макро" – в "микро".

На стадии начальной (простой) модернизации городская (территориальная) концентрация – населения, учреждений культуры и сервиса – рассматривалась социологами как базовый инструмент для подобной мультипликации социальных движений. Однако, с одной стороны, даже культурно насыщенное и социально хорошо организованное пространство города не могло быть использовано его членами. Как показал К. Линч, любому горожанину реально доступна лишь малая часть социального пространства города [3]. С другой, в ходе модернизации, в особенности при переходе к ее высокой стадии, развитые межличностные информационные сети индивидов и групп стали мощным мультипликатором увеличения их воспроизводственных и деятельностных возможностей. Возник специфический социальный субъект – "сетевой социальный актор". В ходе своей деятельности он формирует первичную экоструктуру – механизм, обеспечивающий этому актору одновременно постоянное и интенсивное накопление жизненных ресурсов и защиту от избыточного давления "внешней" социальной среды, иными словами, поддержание некоторой нормы его жизнедеятельности.

Понятие "сетевого актора" можно трактовать в нескольких смыслах. Конечно, всякое социальное и, в частности, экологическое движение можно считать сетевым актором, поскольку его организации и члены соединены коммуникационными сетями. Однако при ближайшем рассмотрении социальное движение ни во времени, ни в пространстве не является постоянным и тем более монолитным телом. Даже в случае массовых кампаний (протеста или др.) далеко не все члены движения объединены межличностными сетями. Строго говоря, движение – это теоретический конструкт.

Некоторые социологи полагают, что движение это совокупность организаций. В действительности и они сплошь и рядом существуют лишь на бумаге. С нашей точки зрения, постоянно действующими носителями идеологии движения, хранителями его идентичности, накопителями его ресурсного и тактического потенциала являются его ядра – малые сообщества его постоянных и наиболее активных членов, которые мы и назвали базовыми сетевыми социальными акторами. Такой актор – всегда активное, деятельное начало, тогда как первичная экоструктура – это его инструмент, депозитарий и мастерская.

Под нормой жизненного процесса такого социального актора здесь понимается его способность воспроизводить свои физические и интеллектуальные потенциалы и осуществлять социальные действия без чрезмерного напряжения сил. Напомним, что речь идет о процессах, присущих именно активистам социальных движений, а не о простой адаптации населения к изменяющемуся контексту.

Под стереотипом жизненного процесса мы понимаем структуры повседневной активности актора, позволяющие реализовать названную выше норму. Подобно процессу материального производства, проходящему определенные фазы, процесс воспроизводства социального актора тоже имеет свои специфические фазы, реализующиеся в структурах ресурсных и коммуникативных связей. Эмпирически данный стереотип выражается в устойчивом (ежедневном, недельном и т.п.) цикле взаимодействий, присущем членам малого сообщества. Как будет показано ниже, он весьма специфичен для современных российских зеленых. Механизм “включения-обособления”, то есть чередования контактов с социальными структурами и дистанцирования от них [4, с. 79], есть главная отличительная черта данного стереотипа.

Наконец, под жизненным ресурсом сетевого социального актора здесь имеется в виду совокупность ресурсов, необходимых для поддержания социальной активности его членов. Данное сообщество постоянно расходует свою эмоциональную и психическую энергию и поэтому должно систематически восполнять потери своих ресурсов. Можно провести определенную аналогию между рассматриваемыми процессами на микрогрупповом уровне и уровне социальных движений, поскольку в обоих случаях речь фактически идет о постепенном формировании структуры некоторой “индустрии” воспроизводства социальных акторов [5].

Спектр ресурсов и, следовательно, структуры сетей чрезвычайно разнообразны: одни ресурсы должны добываться и потребляться ежедневно, другие накапливаются годами и могут расходоваться в течение всей жизни. Для активистов ЭД такие ресурсы, как научное знание, оперативная информация, политические ноу-хау, имеют особое значение. Однако эффективность их аккумулирования и использования, равно как и весь социально-воспроизводственный процесс, в значительной степени зависит от организационных форм этого воспроизводства. Именно поэтому структура ресурсных и информационных сетей имеет столь большое значение [6, 7].

Таким образом, первичная экоструктура может быть определена как форма организации жизненного процесса социального актора, позволяющая ему максимизировать свой совокупный ресурсный потенциал и достигать своих целей, не выходя за рамки нормы жизненного процесса.

Основными функциями экоструктуры являются опосредование взаимодействий между обществом и малым сообществом с целью интенсификации его воспроизводственного процесса (в частности, посредством сосредоточения глобального в локальном) и накопление ресурсов, необходимых активистам для их включения в коллективные социальные действия. По отношению к отдельному активисту экоструктура выполняет одновременно социализирующие, воспроизводственные и защитные функции.

Функции экоструктуры могут быть рассмотрены под разными углами зрения. С позиций социальной философии экоструктура есть инструмент превращения универсального в локальное и индивидуальное, инструмент, помогающий активистам “снять” сложность и изменчивость окружающего мира. С позиций экономической науки экоструктура есть механизм и контейнер накопления ресурсов, необходимых для поддержания здоровья и воспроизводства человека-труженика, а в рассматриваемом нами случае —

политически и социально активного индивида (то есть накопление и освоение ноу-хау публичного действия). С точки зрения социологии экоструктура есть организационная форма активности социального актора, посредством которой он параллельно адаптируется к изменяющемуся контексту и стремится изменить его в нужном для себя направлении. Если стереотип жизненного процесса такого актора определить как систему устойчивых (повторяющихся) форм его социального действия, то экоструктура может быть названа их "мастерской". В рамках социальной психологии рассматриваемая структура трактуется как механизм, обеспечивающий психологическую защиту и эмоциональный комфорт для своих членов, периодически вовлекаемых в публичную деятельность и находящихся под постоянным давлением отчужденного (враждебного) контекста. Вместе с тем, возникающие в ходе коллективных действий межличностные контакты и конфликты являются стимулом для расширения сферы потребностей социального существования [8] такого актора.

В культурном плане рассматриваемая структура есть создаваемый ее членами групповой мир культуры с общими ценностными ориентациями и жизненными стандартами. Постоянно включаясь в ходе своей публичной активности в различные субкультуры общества, члены ЭД постепено формируют собственное пространство культуры и его идентификационное ядро. Активисты строят этот индивидуализированный мир культуры одновременно исходя из их непосредственных межкультурных интеракций и из некоторого "отстраненного" видения динамики глобальной экологической ситуации как бы из будущего – глазами своих детей или будущего поколения.

Все эти разные аспекты функционирования экоструктуры сфокусированы на интересах конкретного сетевого актора. Поэтому и паттерны его взаимодействий с внешним миром построены по многофункциональному критерию. По сути, экоструктура есть некоторый коллективный "дом", где данный актор, его межличностные сети и системы материальной обеспечения представляют собой неразделимое целое.

Согласно нашей концепции индивидуального ресурсного поля, контекст деятельности всякого социального актора может быть представлен в виде континуума ресурсов. На одном полюсе находятся его внутренние ресурсы, то есть находящиеся в его полном распоряжении, или те, которые могут быть мобилизованы им быстро и с минимальными усилиями. На другом полюсе находятся ресурсы-условия, для мобилизации которых нужно затратить усилия (то есть израсходовать внутренние ресурсы), сравнимые с ожидаемым результатом [1, с. 41-44]. Соответственно, контекст деятельности актора может быть представлен в виде системы катализаторов и блокаторов, которые способствуют его активности или сдерживают ее. Именно поэтому межличностные связи данного актора и функции его экоструктуры зависят от конкретной конфигурации доступного ему ресурсного поля, которое, в свою очередь, детерминировано структурой политических возможностей данного социального актора [9].

Норма жизненного процесса этого актора может быть измерена числом и разнообразием постоянно возобновляемых контактов, необходимых ему для самоподдержания и реализации планируемых социальных действий.

Стереотип жизненного процесса, как уже отмечалось, может быть представлен через типичные устойчивые (пространственно-временные) паттерны связей этого актора. В свою очередь, их границы определяются критерием ресурсного баланса, под которым мы понимаем динамическое равновесие между требуемыми ресурсами и усилиями, необходимыми для их приобретения.

Функционирование сетевого актора: нормальная и мобилизационная фазы

Функционирование сетевого актора имеет два основных состояния: нормальное и мобилизационное. В нормальном режиме работы лидеры российских ЭНПО обычно поддерживают постоянные контакты с не менее, чем 10 различными организациями, имеют 3-5 личных знакомств в каждой из них. Таким образом, для поддержания нормы жизненного процесса каждый лидер нуждается одновременно в 30-50 постоянных ресурсных и информационных связях. Как правило, группа лидеров и их помощников, представляющая собой ядро такого сетевого актора, насчитывает 5-8 человек. Поэтому можно считать, что 200-300 постоянных связей составляют коммуникационный каркас его нормального функционирования.

В нормальной ситуации члены рассматриваемого сообщества поддерживают контакты прежде всего со своими единомышленниками внутри собственной ЭНПО или "зонтичной" организации. Кроме того, они общаются с хорошо знакомыми им учеными, то есть с теми, кто сотрудничает с ними долгое время и одновременно зависит от них в ресурсном плане. Одновременно активисты поддерживают контакты с публичными политиками, особенно с теми, кто является их агентами влияния во властных структурах. Следует также упомянуть систематические контакты активистов ЭД с членами родственных экологических и благотворительных организаций, а также с прессой и телевидением, контакты в организациях, обеспечивающих зеленых ресурсами как для повседневного существования ЭНПО, так и для организации проектов и массовых кампаний. Еще один, труднораспознаваемый, вид связей – представительские контакты, внешне совершенно бесполезные (к примеру, присутствие на многочисленных конференциях), осуществляемые с единственной целью – лишний раз напомнить о себе нужным людям или дать интервью и тем самым поддержать свой имидж и престиж. Во всех перечисленных случаях личные связи обычно встроены в деловые. В общем и целом это разнообразие интеракций членов рассматриваемого сообщества определяет число функций, которые должна выполнять первичная экоструктура. В нормальных условиях баланс между публичностью и приватностью (контактами в узком кругу), как правило, соблюдается. Масштаб повседневных межличностных интеракций рассматриваемого актора также разнообразен. Есть контакты в узком кругу, осуществляемые с минимальными усилиями (круг единомышленников и симпатизирующих), "средней дальности" (политики, масс-медиа) и дистанционные. В последнем случае речь идет об интеракциях, нацеленных на поиск финансовых ресурсов.

Можно заключить, что базовые (основополагающие) сетевые акторы российского ЭД в известной степени являются аналогом "узкого круга" в

сфере бюрократической экополитики. Однако первые представляют собой гораздо более тесно интегрированное целое. В частности, сеть его внешних и внутренних интеракций гораздо более стабильна и потому резистентна по отношению к воздействиям быстро меняющегося контекста. Это – действительно микросообщество (или большая семья), связанное внутри чрезвычайно прочными и в то же время гибкими многофункциональными связями. В терминах сетевого анализа базовые сетевые акторы представляют собой клику [10], но клику многоцелевую, обеспечивающую практически все разнообразие потребностей ее членов.

Наконец, личное общение, совместная природоохранная работа рассматривается активистами ЭД как лучшая школа жизни, которая до известной степени даже заменяет высшую школу вообще: “Я не имею университетского образования, это было мое сознательное решение. Может быть, сегодня, спустя десять лет, когда я смогла освоить огромное количество научной информации и обрести навыки профессионального журналиста, редактора и организатора нескольких массовых кампаний, я сделаю этот шаг...” (А.Г., активист и журналист, Москва, 1997). Другие респонденты рассматривают широкое личное общение как школу подготовки полупрофессионалов широкого профиля, которые сегодня, по их мнению, столь необходимы экологическому движению.

Каковы отличительные признаки мобилизационного состояния сетевого актора? Мобилизация и мобилизованность – отличительные черты коммунистической идеологии и советского образа жизни. “Переходный” период, обремененный социальными рисками и экологическими катастрофами, также постоянно продуцирует мобилизационный контекст. За исключением короткого периода демократического подъема (1989-1991 годы), ЭД никогда не было в почете ни у населения, ни, тем более, у власть предержащих. Поэтому состояние мобилизационной готовности и ощущение повышенной опасности всегда были присущи российским зеленым, что не могло не сказаться на формировании их первичных сетей и экоструктур. Чтобы выжить и сохранить себя и ячейку, лидеры ЭД вынуждены были жить и действовать в мобилизационном ритме. Поэтому представляется необходимым ввести различие между рутинной и целевой мобилизацией. Первая была и является привычным способом существования российских и других зеленых в условиях политически и социально враждебного контекста, тогда как вторая представляет собой состояние мобилизации всех возможных ресурсов, имеющихся в распоряжении данного сетевого актора для того, чтобы одновременно решить какую-то конкретную экологическую проблему и сохранить себя как сообщество.

Названные формы мобилизации зиждятся на разных критериях ресурсного баланса. Рутинная форма основывается на относительном балансе между накоплением и расходом ресурсов, тогда как при целевой очевиден сдвиг в сторону расходования аккумулированных ресурсов. Наши респонденты подчеркивали, что по завершении очередной кампании протеста или длительного сражения с властями (судебная тяжба, проталкивание своих предложений к очередному экологическому закону) после кратковременной зифории они ощущали себя буквально выжатыми.

Целевая мобилизация означает: 1) концентрацию всех аккумулированных в экоструктуре ресурсов в руках лидера ЭНПО; 2) тотальную мобилизацию постоянного персонала зеленой организации – все ее члены должны отложить в сторону текущие дела и сосредоточиться на решении поставленной лидером задачи; 3) мобилизацию всех своих сторонников и симпатизантов, а также глубинных ресурсов, то есть таких, которые в обычной ситуации не используются.

В случае целевой мобилизации кликообразная структура рассматриваемого сетевого сообщества трансформируется в краткосрочную иерархию, а лидер ЭНПО становится ее командиром. Соответственно, кликообразная структура межличностных сетей превращается в одностороннюю, центрированную на лидере. В зависимости от конкретной задачи это микросообщество сосредоточивает свои усилия на добывании информации, подготовке публичных заявлений, организации массовой кампании и т.д. Поскольку время в условиях целевой мобилизации является ключевым ресурсом, контакты становятся краткими, интенсивными и чисто деловыми – “тусовочный” характер повседневного уклада жизни сообщества российских зеленых исчезает, оно превращается в “команду”.

Заметим, что хотя целевая мобилизация всегда сопровождается самоэксплуатацией активистов, она вовсе не противоречит духу российского ЭД: “Основой наших многолетних личных контактов является дух студенческого природоохранного движения семидесятых и восьмидесятых годов. Это был дух молодых спасателей, готовых защищать природу любой ценой” (В.Б., активист, 1977). Периодически повторяясь, такая мобилизация поддерживает дух солидарности, способствуя внутри и межгрупповому сплочению, которое сегодня систематически подрывается замыканием отдельных “команд” на выполнении проектов по грантам. Более того, при мобилизации экспрессивные и инструментальные стороны межличностной коммуникации совпадают: “С одной стороны, мы должны были самоопределиться и защищаться, чувствовать себя в своей дружеской среде. С другой – мы всегда ощущали себя главным противником экологической бюрократии” (Д.А., координатор экологической программы, Москва, 1997).

Жизненный стереотип микросообщества в случае целевой мобилизации также меняется. Пространственная структура повседневных связей ее членов трансформируется в двух направлениях. С одной стороны, она “завязывается” на лидера. С другой – пространство личных контактов последнего резко расширяется, так как мобилизуемые им глубинные ресурсы, как правило, сосредоточены в весьма отдаленных от места нахождения ЭНПО точках мира. Вот почему, в частности, столь хорошо развита сеть электронных коммуникаций ЭНПО.

Враждебный контекст и изменение структуры межличностных сетей

В ходе российских реформ, обремененных системным кризисом и периодическими выбросами “энергии распада”, контекст деятельности российского ЭД становился все более враждебным. Это была закономерная реакция на потоки мигрантов, беженцев, вынужденных переселенцев, социальные и

экологические катастрофы, вооруженные конфликты, изменения форм собственности, насильственный передел социально освоенного пространства, распад сложившихся сообществ и разрушение привычного жизненного уклада [11]. Контекст ЭД может быть квалифицирован как полностью враждебный, если установка всех акторов, включая местное население, по отношению к ЭД и его действиям является негативной. Постоянное ощущение, что они живут и действуют во враждебном контексте, редко покидает активистов российского ЭД. В подобном контексте, особенно на периферии, межличностные сети имеют первостепенное значение: "Мы постоянно ощущаем давление, постоянно озабочены поиском союзников, и мы можем обрести их только посредством личных контактов – они самые быстрые и эффективные" (Д.Р., активист, Петрозаводск, 1997).

Новый лозунг "Спасутся спасатели!", выдвинутый лидерами ЭД в 1993-1994 годах, засвидетельствовал, что межличностные сети зеленых начали изменяться. Механизм "включения-обособления" рассматриваемых микрообществ трансформировался таким образом, чтобы максимизировать свои защитные функции и минимизировать подверженность риску. Иными словами, этот механизм должен был обеспечить членов сообщества жизненно важными ресурсами и одновременно служить защитной оболочкой от враждебного контекста.

Теоретически был только один способ избежать его разрушающего воздействия: "уйти" из него, включившись в структуру международных экологических организаций и их сетей. Как показало наше исследование, российские ЭНПО пошли именно по этому пути. По сравнению с 1991 годом, в 1997 году межличностные контакты их лидеров с западными коллегами возросли почти в 10 раз. Подтверждением тому явилось изменение ресурсных сетей. По нашим оценкам, в 1998 году около 75% финансовых ресурсов для российских ЭНПО поступало с Запада.

Конкретными способами достижения названных выше целей были: 1) членство в одной или нескольких транснациональных экологических организациях; 2) наличие постоянного источника ресурсов за рубежом; 3) максимальное дистанцирование от политических баталий внутри России; 4) неучастие в политических партиях и движениях; 5) ограничение своей деятельности решением профессиональных задач (преимущественно природоохранного плана). В целом это была тактика самоограничения и переключения связей на более безопасные.

Семейные и профессиональные связи российских зеленых не только стали все более "перекрываться", но практически превратились в общую сеть. Это вполне объяснимо: если профессиональная деятельность активистов ЭНПО обеспечивает и защищает их, то она одновременно обеспечивает и защищает их жен, детей и близких друзей. Закон "династии" был и остается распространенным среди экологистов. Во враждебном и насыщенном рисками контексте воспроизводственные процессы могут осуществляться только в обстановке взаимопомощи, понимания и полного доверия. Одновременно такая "расширенная" семья способна защитить себя от нежелательных пришельцев со стороны – мнения жен и друзей служат надежным фильтром против такого проникновения. Наконец, семейное разделение

труда хорошо развито в среде инвайронменталистов. Например, муж работает в государственном природоохранном учреждении, а жена – лидер общественной экологической организации. В конечном счете, несколько таких семей-сообществ образовали нечто вроде корпорации. Два источника ресурсов – зарубежные фонды и региональные администрации – становятся центрами притяжения подобных корпоративных формирований.

Эмиссия энергии распада оказала на первичную экоструктуру двойное воздействие. С одной стороны, растущий поток профессионалов (ученых, студентов), потерявших работу и привычную социальную среду, создавая дополнительное давление на сетевых акторов, заставил сделать их свои экоструктуры еще более закрытыми. С другой, активисты охотно используют “бросовый” научный и человеческий потенциал для укрепления подобных структур, поскольку он – готовый ресурс. Такие связи зеленых носят временный и прагматичный характер, тем более, что по отношению к этим людям активисты ЭД не имеют никаких обязательств.

Межличностные контакты и экополитика

Межличностные связи являются стимулом к возникновению и поддержанию связей межорганизационных. Причины этого следующие. Во-первых, неформальные контакты традиционны для российских зеленых, большинство которых вышло из студенческих дружин охраны природы 1970-1980-х годов. Во-вторых, поведение большинства ЭНПО в значительной степени повторяет поведение лидеров этих организаций. В-третьих, причудливая комбинация авторитарного лидерства и дружеских связей характерны не только для зеленого, но и других демократических движений переходного периода. В-четвертых, личные, часто скрытые контакты российских зеленых есть их излюбленный политический инструмент, реализация их давнего лозунга “У природы везде должны быть свои люди”. И конечно, как всегда, межличностные контакты дают гораздо более быстрый и весомый результат, нежели межорганизационные.

Рассмотрим эволюцию этих контактов на примерах государственной экспертизы проекта разработки газоконденсатного месторождения на полуострове Ямал (1988-1989 годы) и конфликта вокруг плана поднять уровень Чебоксарского водохранилища (1997 год).

Во времена проведения названной экспертизы сетевых акторов (в указанном нами смысле) еще не было. Участники экспертизы представляли собой некоторое сообщество единомышленников, сформировавшееся при появлении государственного заказа (экспертиза проводилась недавно созданным тогда Министерством охраны природы). Поэтому данный заказ послужил стимулом к формированию такого сообщества именно на основе межличностных связей в различных министерствах и общественных организациях. Членов сообщества объединяло чувство экологической солидарности, озабоченности людей, заинтересованных в охране природы. Отсюда профессиональное разнообразие этого сообщества и партнерские взаимоотношения его членов (в состав экспертной комиссии входили ученые – теоретики и практики, общественные деятели, преподаватели, активисты ЭД, практические работники). Были установлены двусторонние контакты между

учеными и практиками, чиновниками и волонтерами, членами новых и старых государственных и общественных организаций, работниками центра и представителями периферии. Дух взаимного уважения и доверия отличал общение молодых активистов и профессионалов преклонного возраста, поскольку их объединяли общие ценности и общий язык.

В целом в период формирования экологической политики в СССР в конце 1980-х годов для лидеров ЭД были характерны следующие типы межличностных интеракций: 1) кооперация между единомышленниками – учеными и активистами; 2) тесное взаимодействие со средствами массовой информации; 3) конкурентно-кооперативные интеракции с чиновниками Министерства охраны природы; 4) антагонистические связи с ведомством, которое разрабатывало план газоконденсатного месторождения; (5) тесные контакты с лидерами местных гражданских инициатив.

Десять лет спустя картина была уже иной. Сообщество российских активистов трансформировалось в четко очерченную сеть экоструктур (“мастерских”), каждая из них имела явно выраженное ядро. Контакты тех, кто в него входил, были дифференцированы в соответствии с рассмотренными выше критериями “включения-обособления” и “баланса ресурсов”. Мобилизация ресурсов стала базовой функцией для всякого сетевого актора. Поэтому его члены целенаправленно и настойчиво формировали сети межличностных связей, необходимых для обеспечения своих ЭНПО ресурсами. Так, в случае конфликта вокруг Чебоксарского водохранилища подобные связи устанавливались с Департаментом охраны природы областной администрации, международным социально-экологическим союзом, биологическим факультетом Нижегородского университета, дружиной охраны природы того же университета и экологическим центром “Дронг” – главной зонтичной организацией нижегородских зеленых.

Ядро экологических общественных организаций состояло из нескольких лидеров, тесно связанных между собой общими ценностями, участием в общих кампаниях, а главное – своими корнями в природоохранном студенческом движении (своего рода аналог “an old school ties” – принципа, распространенного в Англии).

Это ядро занимало влиятельные позиции в основных сферах формирования региональной экополитики, таких, как упомянутый Департамент, региональный Комитет охраны природы (орган Госкомприроды), а также в таких крупнейших российских ЭНПО, как Социально-экологический союз и Центр охраны дикой природы.

Контакты формальные и неформальные

Как показало наше исследование, число неформальных (личных) контактов в четыре раза превышает количество тех, которые были установлены членами ЭНПО от имени своих организаций. Это, как мы уже показали, логично, поскольку, кроме всего прочего, риск обмана, получения ложных сведений или утечки критически важной информации здесь минимален. Неформальные контакты присущи подобным кланово-корпоративным сообществам: они взаимовыгодны, следовательно, совокупный ресурс экоструктуры не снижается.

Связи с зелеными и другими неправительственными организациями наши респонденты отмечали в два раза чаще, чем с государственными. Иными словами, для активистов родственные и даже “нейтральные” общественные организации представляют предпочитаемый источник мобилизации релевантных ресурсов. Кроме того, поскольку информация есть один из ключевых ресурсов зеленых, они интенсивно используют тактику инфильтрации (в государственные учреждения), причем стратегически важная для них информация добывается исключительно по личным каналам. Наконец, информация, полученная по официальным каналам, часто абсолютно нерелевантна, то есть ее нельзя “конвертировать” для использования в коллективном социальном действии. Напротив, информация, аккумулированная в базах данных российских ЭНПО, равно как и в руках их зарубежных партнеров, гораздо более детализирована, релевантна по структуре, в общем – практически готова к немедленному употреблению.

Ресурсы-для-себя и ресурсы-для-организации подчас трудно разделить. Некоторое преобладание личностного накопления ресурсов объясняется тем, что нашими респондентами были главным образом лидеры ЭНПО, которые обязаны знать больше и видеть дальше. Кроме того, сам факт их лидерства требует интенсивного накопления ими информационных и других ресурсов. В целом, вооруженный компьютером (с модемом) активист есть сегодня наилучший контейнер необходимой для социального действия информации. Конечно, в одних случаях это так, тогда как в других “сетевая” аккумуляция информации является более эффективной. Главное, что внутри экоструктуры эти потоки легко переключаются и комбинируются.

Наконец, если мы посмотрим на структуру сетей “треугольника”, во многом определяющего характер принимаемых экополитических решений (региональная администрация, научное сообщество и ЭНПО), то получим следующую картину: число интеракций между членами различных ЭНПО в два с половиной раза больше, чем с персоналом региональной администрации, и в четыре раза больше, чем с учеными. Это опять же объяснимо: в первом случае мы имеем дело со связями взаимной поддержки и обмена взаимовыгодными ресурсами, тогда как в двух последующих случаях это интеракции конфликтного или конкурентного типа, требующие затраты собственных ресурсов социальных акторов.

Ядро или элита?

Внешне ЭД представляет собой слабо структурированное образование, состоящее из ЭНПО и других независимых ячеек. В действительности внутри этой аморфной структуры всегда есть некоторый “главный” актер – бюрократическое ядро (с хорошо оснащенной экоструктурой), который занимает привилегированную позицию по отношению ко всему движению. Под привилегиями мы имеем в виду политические, информационные и финансовые ресурсы, которые концентрируются в руках лидеров-бюрократов, занимающих стратегические высоты в российском экологическом движении.

Чтобы проявить это ядро, обратимся к анализу перекрестного членства лидеров ЭД в сети организаций, которые в совокупности представляют собой, на наш взгляд, нечто вроде “индустрии социального движения” [5].

Перекрестное членство позволяет этим лидерам контролировать ресурсные потоки и выработать общую экополитическую стратегию.

Рассматривая лидеров движения в качестве единиц анализа и используя такие источники, как списки членов директората движений, общественных, экспертных и консультативных советов при финансовых, издательских и других организациях, списки советников при частных и общественных фондах и т.п. (всего было изучено более 100 таких единиц), мы определили круг лиц, составляющих, по нашему мнению, элиту ЭД в России. В течение многих лет 5 человек занимают наивысшую ступень, являясь членами более 80% организаций из их общего списка; 10 человек являются членами около 50% и 15 – около 25% организаций. Этот “внутренний круг” ЭД обладает доминирующими или по крайней мере очень влиятельными позициями в основных сегментах его “индустрии” – фандрайзинге и распределении ресурсов, связях с влиятельными персонами во властных структурах и средствах массовой информации, а также в рекрутировании постоянного персонала ЭНПО. Это ядро состоит из высокообразованных активистов (главным образом, биологов), преимущественно мужчин, 35-45 лет, обладающих большим опытом руководства общественными организациями, ранее входившими в состав молодежного экологического движения СССР/России.

Одновременно этот “внутренний круг” являет собой авангард современного ЭД, во всяком случае его главного – природоохранного – крыла. Этот круг определяет его внешнюю и внутреннюю политику, в частности потому, что его члены в три раза чаще, чем рядовые активисты, являются одновременно чиновниками в государственных (федеральных или региональных) организациях. Это ядро не обязательно имеет одного лидера и не слишком заметно для рядовых членов движения. Показательно, что даже те, кто покинул ядро, почти никогда не выпадают из списка дюжины ведущих неформальных экополитиков.

Заключение

Сети межличностной коммуникации и ресурсного обмена играют сегодня ключевую роль в сохранении и развитии ЭНПО и ЭД в целом. В ходе их межорганизационного обмена, равно как и взаимодействия с социальным и политическим контекстом, постепенно возникла новая форма коллективной жизни и социального действия – сетевой социальный актор, опорной ячейкой которого является первичная экоструктура.

Эта форма организации коллективной жизни позволяет членам ЭНПО и экологического движения наиболее эффективно накапливать и рационально использовать жизненные ресурсы, организовывать коллективные действия, направленные на изменение экологической ситуации, а также защищаться от избыточного давления социальной среды. Возникновение и развитие сетевых социальных акторов и их несущих структур стало возможным лишь благодаря использованию современных информационных технологий.

Мотивационной основой для формирования этих специфических социальных субъектов и их опорных структур явились, с одной стороны, личные устремления активистов к интересной, социально насыщенной и вместе с тем относительно обеспеченной жизни, а с другой – растущее отторже-

ние российских зеленых, их целей и ценностей строящимся в России капиталистическим обществом. В итоге зеленые создали свой, достаточно обособленный мир, опирающийся на межперсональные сети транснационального масштаба.

Поскольку в условиях отчужденного, враждебного контекста этот коллективный актор не только живет и действует в состоянии перманентной мобилизации, но и периодически вынужден предпринимать огромные усилия для достижения своих целей и самосохранения, нами было введено различие между его обычным и целевым мобилизационным состояниями. Первое в названных условиях стало практически нормой жизненного процесса российских зеленых, тогда как второе означает тотальную мобилизацию ресурсов, имеющихся у них в наличии.

Соотношение между экоструктурой как формой организации сообществ зеленых, ЭНПО и ЭД, в целом, достаточно подвижно. В одних случаях границы экоструктуры (или группы) и ЭНПО практически совпадают, в других – названные структуры представляют собой неформальные “клубы” нескольких ЭНПО, в третьих – одна такая структура является элитарным ядром некоторого ЭД в целом, в четвертом – подобные структуры, глубоко проникая в ткань государственных организаций, выполняют роль некоторого “моста” между ними и движением. В условиях неблагоприятного политического контекста и низкой озабоченности общества экологическими проблемами межличностные сети российских зеленых остаются практически единственным каналом политического влияния. Неформальные связи зеленых во властных структурах строятся на доверии и взаимопонимании и, как правило, не сопровождаются утечкой информации и других ресурсов. Этот процесс личностной инфильтрации российских зеленых во властные структуры всегда чреват поглощением первых вторыми.

Наконец, именно посредством межличностных связей и поддерживающих экоструктур элита ЭД осуществляет свою внутреннюю политику. Элитарные сообщества играют решающую роль в определении стратегии и тактики ЭД, формировании его исполнительных органов и рекрутировании их постоянного персонала. Однако элитарные сообщества часто вырождаются в “аппаратные” структуры, работающие лишь в целях самосохранения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яницкий О. Н. Человеческий фактор и социально-воспроизводственные процессы // Рабочий класс и современный мир. 1986. № 4 (94). С. 33-48.
2. Yanitsky O. Towards creating a socio-ecological conception of a city // Cities and ecology: The international expert meeting. Suzdal. September, 24-30, 1984. Moscow: Nauka Publishing House, 1988. P. 54-57.
3. Lynch K. The image of the city. Cambridge, Mass.: The M.I.T. Press, 1960.
4. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.
5. Social movements in an organizational society: Collected essays / Ed. by M.M. Zald, J.D. McCarthy. New Brunswick: Transactions Books, 1987.
6. Yanitsky O. Environmental movement in a hostile context: The case of Russia: Paper presented at the Second international conference on social movements. Vitoria, Spain, October 6-10, 1996.

7. Yanitsky O. Modernization and globalization from the perspective of a transition society: Paper presented at the International conference "Sociological theory and environment". Woudschoten, Netherlands, March 20-23, 1997.
8. Дилигенский Г. Г. Проблемы теории человеческих потребностей // Вопросы философии. 1976. № 9. С. 34-45.
9. Kriesi H. The political opportunity structure of new social movements: Its impact on their mobilization // The politics of social protest: Comparative perspectives / Ed. by J.C. Jenkins, B. Klandermans. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993. P. 167-198.
10. Knoke D. Political networks: The structural perspective. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
11. Яницкий О.Н. Модернизация в России в свете концепции "общества риска" // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Аспект-пресс, 1997. С. 37-48.